УДК 821.161.1 + 821.113.6
ББК 83.3(2Рос=Рус)51 +
83.3(4Шве)51

ПАНЕГИРИКИ «СТАРЫХ СОЛДАТ» МОЛОДЫМ МОНАРХАМ В РУССКОЙ И ШВЕДСКОЙ ЛИТЕРАТУРАХ XVIII В.

© 2019 г. М.Ю. Люстров

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 14 января 2019 г.

Дата публикации: 25 марта 2019 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-202-213

Аннотация: В статье рассматривается одна из форм европейского панегирика восшедшему на престол монарху — обращение к нему отставного солдата. В центре исследования — произведения, изданные в традиционно вражеских странах — Швеции и России. Шведский текст напечатан в 1778 г. и называется «Речь отставного солдата к королю Густаву III 24 января 1778». Русский издан в 1801 г. и называется «Песнь его императорскому величеству Александру Первому ...при Возшествии на престол от отставного солдата». Герой шведского сочинения участвовал в походах Карла XII, сражался под Нарвой, был пленен под Полтавой и вернулся из Сибири в 1721 г. В течение долгого времени старый каролин живет отшельником. Призрак короля-воина Густава II объявляет ему о счастливом правлении своего тезки и просит рассказать об этом Густаву III. Герой русской «Песни» вспоминает «золотое время» Екатерины II. В отличие от Швеции, в России время печали, о котором поет отставной солдат, продолжалось недолго: в начале правления Александра I солдат Екатерины II бодр и энергичен. Эпоху Екатерины и Александра разделяет несколько лет, эпохи Густава II и Густава III — полтора столетия. Для автора «Песни» непродолжительность «дней тоски» является характерной чертой новейшей русской истории. При сравнении русских и шведских текстов это обстоятельство становится особенно заметным.

Ключевые слова: русская литература XVIII в., шведская литература XVIII в., русские и шведские панегирики XVIII в., Густав II Адольф, Екатерина II, Александр I.

Информация об авторе: Михаил Юрьевич Люстров — доктор филологических наук, профессор РАН, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: mlustrov@mail.ru.

Для цитирования: Люстров М.Ю. Панегирики «старых солдат» молодым монархам в русской и шведской литературах XVIII в. // Studia Litterarum. 2019. Т. 4, № 1. С. 202–213. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-202-213

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

THE "OLD SOLDIER'S" PANEGYRICS TO THE YOUNG MONARCH IN RUSSIAN AND SWEDISH LITERATURES OF THE 18th CENTURE

© 2019. M.Y. Ljustrov

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: January 14, 2019

Date of publication: March 25, 2019

Abstract: The article examines one of the forms of European panegyric — an appeal to the monarch who has just ascended to the throne by the “retired soldier.” The focus is on the panegyrics published in the traditionally enemical countries — Sweden and Russia: “The Speech of the Retired Soldier Addressed to the King Gustav III on January 24, 1778” and “The Song to His Imperial Majesty Alexander I ... at His Ascending to the Throne, from the Retired Soldier” (1801) accordingly. The protagonist of the Swedish composition participated in Karl XII’s campaigns, fought near Narva, was taken prisoner near Poltava, and after his return from Siberia in 1721, began to live as a hermit. The ghost of the king-soldier Gustav II visits the soldier-hermit, foretells the fortunate reign of his namesake, and asks the former to pass the news on to Gustav III. While “The Speech” emphasizes that the time of Swedish disgrace has continued very long, the Russian “Song,” while recalling the “golden time” of Catherine II, is more optimistic. The short period of grief has passed; therefore, the soldier is vigorous and lively. Catherine’s and Alexander’s reigns are separated by several years, while the rift between the eras of Gustav II and Gustav III is one and a half century. For the author of “The Song,” the fact that the disgraceful epoch has not lasted long, forms the specific feature of contemporary Russian history. By comparing Russian and Swedish texts, this idea becomes especially conspicuous.

Keywords: 18th century Russian literature, 18th century Swedish literature, Russian and Swedish panegyrics of the 18th century, Gustav II Adolf, Catherine II, Alexander I.

Information about the author: Mikhail Y. Ljustrov, DSc in Philology, Professor of the Russian Academy of Sciences, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, Moscow 121069, Russia.

E-mail: mlustrov@mail.ru.

For citation: Ljustrov M.Y. The “Old Soldier’s” Panegyrics to the Young Monarch in Russian and Swedish Literatures of the 18th Century. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no 1, pp. 202–213. (In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-202-213

Среди многочисленных европейских победословий XVIII в. встречаются тексты, представляющие собой (или включающие в себя) «партии» участников сражений, победителей и побежденных. Примером тому — изданный в Швеции в самом начале Северной войны и входящий в корпус «нарвских панегириков» «Разговор шведского солдата с русским пленным в лагере перед Нарвой». В этом небольшом сочинении рядовые участники катастрофического для русской армии сражения обсуждают текущий политический момент, и в конечном итоге победитель-швед убеждает побежденного русского в своей правоте [1, с. 79]. К числу панегириков, содержащих выступление ликующего солдата (а в произведениях XVIII в. солдаты говорят много и на разные темы), относятся не только победословия, но и сочинения, посвященные другим важным государственным событиям, деятельным участником которых солдат не был.

Так, одной из форм панегирика молодому и лишь начинающему править монарху является пространное обращение к нему «отставного солдата». В таких сочинениях ветеран вспоминает бывшее могущество страны, говорит о недавно пережитой бесславной эпохе (или трагическом эпизоде) и утверждает, что сейчас, с восшествием на престол нового правителя, возрождается прекрасное время. Расширяет представление о русских произведениях такого рода сопоставление двух похожих, но имеющих принципиально важные отличия шведского и русского панегириков, адресованных королю Густаву III и императору Александру I. Шведский текст опубликован в 1778 г. и назван «Речь отставного солдата к королю Густаву III 24 января 1778». Русский издан в 1801 г. и озаглавлен «Песнь его императорскому величеству Александру Первому самодержцу всероссийскому при Возшествии на престол от отставного солдата».

Из шведского сочинения следует, что обратившийся к королю солдат не просто отставлен от службы, но чрезвычайно стар. По его словам, прожив на свете ровно сто лет, он застал ключевые эпизоды шведской военной истории начала XVIII в.: сражался под Нарвой в 1700 г., был ранен в битве под Клишовым, пережил разгром армии Карла XII под Полтавой, еще одно, уже штыковое, ранение, плен и двенадцатилетнюю работу в Сибири (подчас «выше всех возможностей») [6]. Отмечу попутно, что в шведских мемориалах 1709 г. перечень сражений, в которых участвовали шведские офицеры, достаточно единообразен. В него входят «акции под Ригой, Клишовым, осада Торна, акция под Фрауенштадтом и Головчиным», нередко в список акций входит битва под Нарвой, форсирование Десны и «атака на Веприк» [9]. Из всего этого перечня панегирист выбирает наиболее славные и известные, на его взгляд, победы.

В 1773 г., через много лет после возвращения на родину, со старым каролином произошел странный случай, о котором он поспешил сообщить только что восшедшему на престол Густаву III. Переживая в горной пещере страшную непогоду, старик задремал и, забыв обо всех невзгодах, наслаждался вожденным покоем. Вдруг он «почувствовал, что вся гора сотрясается с грохотом, напоминающим канонаду под Нарвой», и, проснувшись, увидел стоящую перед собой коронованную персону. Неизвестный монарх поразил его своим старинным одеянием, представился погибшим в 1632 г. королем Густавом II Адольфом и велел передать пророчество нынешнему королю Густаву III («Скажи это Третьему и скажи Ему также, что Он будет великим в сердцах своих подданных») [6].

По мысли панегириста, славные события шведской истории остались далеко позади, ничего преумножившего военную славу этой страны не случилось настолько долго, что свидетелем былого шведского величия (точнее, его заката) может быть лишь долгожитель. Пророчество Густава III, о котором старый солдат знал из восторженных рассказов своего отца, вероятно, тоже долгожителя, со всей определенностью указывает на возвращение великих времен. Безусловная победа Швеции в Тридцатилетней войне и одноименность нынешнего короля и великого Густава II, как бы передающего через века свою корону Густаву III, позволяют панегиристу избежать отождествления нового времени со славной, но несчастливой эрой Карла XII и обратиться к временам столь же героическим, но для шведской армии более успешным.

Свидетель конца прекрасной эпохи шведского могущества приносит молодому королю весть от монарха, с именем которого зарождение этой эпохи связано. Вновь Швецией правит Густав, вновь Швеция станет могучей державой, и сообщить об этом должен последний участник великих событий — такова идея шведского сочинения. В самом конце своей крайне эмоциональной (вероятно, последней в жизни) речи отставной солдат обращается к королю с «простыми» пожеланиями: «Ах, да будет твоя жизнь цепью радостных событий, эпоха — пугающей соседей, благословляемой шведами, и Твоя память пребудет бессмертной с Твоим именем» [6]. Иначе говоря, старый каролин желает Густаву III уподобиться страшному врагам, любимому подданными и прославленному в веках «северному льву» Густаву II Адольфу.

Несмотря на радостный повод для обращения старого солдата к молодому королю, картина, нарисованная шведским автором, выглядит мрачной — о смерти его герой говорит постоянно. В блаженное время Густава III столетнему солдату жить уже не придется: и он, и призрак время от времени повторяют, что, увидев нового короля Швеции, старик забудет свои страдания и умрет счастливым и благословляющим имя молодого монарха. В начале речи он объявляет, что всю свою жизнь оплакивает гибель короля Карла XII, за которым следовал «и в счастье, и в несчастье», а явившийся ему Густав II Адольф напоминает, что погиб в сражении («я Второй Густав, который пал под Лютценом»). Ожидающий смерти старец подчеркивает, что оба «Северных героя» были убиты: Густав II Адольф вражескими солдатами, Карл XII — неизвестным убийцей, преступление которого, по его мнению, не останется незамеченным Богом. Отмечу попутно, что в шведской литературе XVIII в. минорное настроение ощущается достаточно сильно, и проявляется это в том числе и в выборе русских текстов, предназначенных для перевода на шведский. Так, в 1725 г. в Швеции был издан перевод «Слова на погребение Всепресвятлейшаго, Державнейшаго Петра Великаго Императора и Самодержца Всероссийскаго, Отца Отечества» Феофана Прокоповича, а в 1763 г. — перевод манифеста Екатерины II о помиловании графа А.П. Бестужева-Рюмина и его же «Утешение христианина в несчастии, или Стихи, избранные из Священного писания» [2, с. 21–25, 66]. Погребение, несправедное гонение — вот темы, интересующие шведского переводчика.

И, наконец, пророчество старого солдата перекликается с текстами, принадлежащими каролинам. Так, изданное в 1726 г. письмо «богобоязненного пленника» Карла Магнуса Пальма написано в Сибири, адресовано «дорогому брату» Магнусу Габриэлю Пальму и содержит рассказ о страданиях и твердости в вере. Как и речь неизвестного солдата, письмо Пальма представляет собой предсмертный текст: печальное послание датировано ноябрем 1715 г., его автор умер в 1716 г. [7].

В свою очередь русское сочинение представляет собой радостную песнь не знакомого с поэтическим искусством отставного солдата («Геликона я не знаю / И с богами не знаком»). Песнь же, по его замыслу, будет исполняться «не поэтов громким тоном / И не лиры сладким звоном, / А по-свойски как-нибудь! / Не затейливым их складом, / Не кудрявым, мудрым ладом, / Только б не стать, чуть бы, чуть...» [3, с. 2].

В отличие от шведского каролина, русский ветеран ликует не один, а «ладит песню с мужиком». На помещенной в издании картинке изображен солдат в треуголке и бородатый крестьянин, рисунок сопровождается подписью: «Земледелец и солдат / Кричат оба в один лад. Ура! Ура! Ура!» Та же пара — молодцеватый солдат в треуголке и постриженный в кружок бородатый мужик — изображена на фронтисписе упомянутой выше шведской книги «Разговор шведского солдата с русским пленным в лагере перед Нарвой», и здесь гордым солдатом является швед, а коленопреклоненным мужиком — русский (тоже солдат). Как правило, солдаты, русские или шведы, держат речь в присутствии невоенного вида бородачей, бородачи же, играющие роль второстепенную, с солдатом либо соглашаются, либо пытаются спорить, но без успеха. Надо понимать, что в «Песни» упоминание безмолвного мужика должно свидетельствовать о всесловной радости по поводу восшествия на российский престол нового монарха.

Как и из шведского, из русского панегирика следует, что новая эпоха приходит на смену печальному эпизоду отечественной истории: «Скройтесь мысли все унылы, День веселья нам настал, Прочь от нас тоска, печали» или «Нутка, ну, дружок любезный, Веселые будь теперь! Мы отерли токи слезны, Нам отверзлась щастья дверь» [3, с. 2, 4]. Правда, прямое объяснение того, что именно вызывало у солдата и мужика слезные токи — недавнее правление Павла или его кончина, — в песне отсутствует. Если допустить, что речь здесь идет о Павловском времени, то не вполне понятно, чем прошедшая

эпоха так неприятна исполнителю песни. В «Песни его императорскому величеству Александру Первому» предшественник Александра не упоминается ни разу ни по какому поводу.

О Екатерине же, солдатом которой является безымянный певец, и ее славной эпохе говорится много и часто: «Светлы дни Екатерины! Не бранил никто судьбины, Был доволен всяк из нас» или:

То-то времячко златое!
 Время славы и утех.
 Страшны в брани и в покое,
 Мы водили за нос всех!
 Нам же мысль лишь всем едина,
 Что нам Мать ЕКАТЕРИНА!
 Молвит — крепости валятся, —
 И дрожали Царства вокруг;
 Наши в огонь, во рвы стремятся,
 Рвет и мечет Руской дух [3, с. 3].

Восхваляя век Екатерины, русский солдат не называет ни мест сражений, в которых он участвовал, ни имен русских полководцев, одержавших победы, ни стран, армии которых были разгромлены при его участии. В отличие от шведского коллеги, он не рассказывает, а ликует, и причина его ликования — возвращение в Россию Александра I золотого времени Екатерины II.

В отличие от шведского, русский автор наступающую счастливую и прошедшую славную эпохи отождествляет на ином основании, нежели общее имя правившего много лет назад и вступившего на престол сейчас монархов. «Время славы и утех» оказывается совсем недавним, предшествующим тому эпизоду, который вызвал «токи слезны». Отсюда и принципиально иной, нежели в шведской «Речи», тон русского панегирика: отставной солдат, поющий радостную песню и призывающий любить нового царя, не стар и бодр; временной промежуток, разделяющий славное царствование Екатерины и начало правления Александра, оказывается кратким, и он энергично приветствует наступающую эпоху. Восшествие на российский престол юного монарха ни в коем случае не является последним

событием его жизни, о смерти он не помышляет и, в отличие от шведского коллеги, ничего не говорит ни о своей седине, ни о своем слабом зрении, ни о своей немощи. Примечательно, что солдат, изображенный на картинке, сопровождающей это издание, выглядит молодым и бравым.

Шведская «Речь отставного солдата» и русская «Песнь его императорскому величеству» так или иначе соотносятся со шведскими панегириками монархам, занимающим престол одноименных им отцов. Так, в шведских текстах, посвященных коронованию Карла XII, нередко отмечается, что новый король наследует славу своего отца Карла XI, череда непобедимых шведских Карлов не прерывается, и, таким образом, Швеция неизменно является счастливой и могучей державой. Из шведской «Речи» следует, что старая панегирическая традиция пресеклась, и время великого короля, одноименного нынешнему Густаву, отстоит от современности более чем на полторы сотни лет. Близкие же предшественники Густава III носят другие имена и образцом для него не являются. В изданных в 1771 г. «Мыслях на возвращение Его Королевского Величества в Швецию с глубочайшим смирением Е.Е.» о смерти отца Густава III Адольфа Фридрика говорится, что его «имя, как розы, будет благоухать повсюду» [10], однако, как полагает автор, вступающий на шведский престол Густав должен исправить нынешние непорядки и освободить Швецию от иноземного (точнее, русского) ярма.

В свою очередь русские панегиристы подчеркивают одноименность нынешнего монарха и его предка Петра I. В латинской оде «Пришествие в Новград Его Императорского Величества Государя Императора Петра Второго 1728 генваря 11 дня» Феофан Прокопович утверждает: «Аще восхощеши Петру подражати Великому, Изобрази его в оставльшихся по нем правилах, И Первому последуй Вторый, Да и Вторый востанеши Великий» [5, с. 493]. Юный император имеет все возможности следовать своему деду и сравняться с ним в величии. В русской «Песни» 1801 г. о подражании нынешнего императора носящему другое имя отцу не говорится ничего, однако непродолжительность правления Павла I (если причиной недавнего огорчения солдата являлось все-таки оно) делает мысль о непрерывной череде успехов актуальной и для русского панегирика. По мнению автора, вскоре после счастливой эпохи Екатерины II наступает столь же счастливая эпоха Александра I, в Александре возрождается Екатерина.

Таким образом, шведская «Речь» и русская «Песнь» принадлежат к одному и тому же разряду панегирических сочинений, строятся по единой схеме, но содержат существенные отличия, объясняющиеся особенностями русской и шведской военной истории XVIII в. — счастливой для русских и несчастной для шведов. При этом в обоих случаях обращение отставного солдата к молодому монарху должно обозначать ожидаемое возрождение могущества страны — совсем недавнего для России и старинного для Швеции. Надо отметить, что солдаты, необязательно отставные, но непременно представляющие славное прошлое, могут появляться в реальной жизни и служить идее преемственности эпох. В таком случае важным оказывается не то, что солдат говорит, но то, в какой мундир он облачен. В. Проскурина отмечает, что во время переворота 1762 г. Екатерина была одета в «старинного покроя мундир Преображенского полка», а поддержавшие ее солдаты, по замечанию Е.Р. Дашковой, «сбросили свои новые мундиры и переоделись в старые» [4, с. 33]. В 1858 г., во время правления Наполеона III, появились фотографии одетых в мундиры своей эпохи ветеранов армии Наполеона Бонапарта. Напечатанные обращения «отставных солдат» к молодым монархам оказываются связанными и с этой традицией.

В шведской литературе XVIII в. герои прежних времен попадают в современную эпоху не только в панегирических, но и в пропагандистских текстах. Так, в изданном в 1741 г. «Сне Хальмара и путешествии в Вальгаллу, или Разговоре с известным генералом Тридцатилетней Немецкой войны Банёром и убитым русскими майором Синклером, со множеством примечаний» Андреаса Хесселиуса (1714–1762) разгуливающий по ночному городу рассказчик «замечает старого седовласого мужа, шествующего от Riddarhuset», вступает с ним в беседу и приходит к выводу, что в этой стране он жил более чем за сто лет до описываемых событий, вероятно, в эпоху короля Густава II Адольфа. И действительно, вскоре разговор заходит о великих шведских полководцах и о «бесподобного во всем земном круге, храброго короля Густава Адольфа счастливом правлении» [8, s. 10].

Если в «Речи старого солдата» появление героя Тридцатилетней войны связано с эпохой нового Густава, то в «Сне Хальмара» — с новой русско-шведской войной. Хесселиус рассказывает о произошедшей в августе 1741 г. битве при Вильманстранде, когда, по шведским данным, 3000 шведов под командованием Врангеля противостояли 16 тысячам русских и,

потеряв 900 человек, уничтожили 8000 неприятелей. Русская сторона на результаты этого сражения смотрела иначе и с событиями двухсотлетней давности их не соотносила. Так, в оде М.В. Ломоносова «Первые трофеи его величества Иоанна III» побежденным шведам сообщается, что молодой российский монарх «в своих ступает предков следы, *Недавно* что карали вас» (курсив мой. — М.Л.).

В обоих текстах шведские авторы связывают нынешние успехи своей страны, государственные или военные, со временем великого Густава II Адольфа, и этим обстоятельством объясняется описываемое ими физическое «проникновение» в Швецию XVIII в. самого «Северного Льва» или его героических соратников. Из русских же сочинений следует, что представленная в них счастливая современность является продолжением недавней прекрасной эпохи. Особенно заметным это отличие русской и шведской литературы XVIII в. становится при сопоставлении «речей отставных солдат» к юным Густаву III и Александру I.

Список литературы

- 1 *Люстров М.Ю.* Война и культура. Русско-шведские литературные параллели эпохи Северной войны. М.: РГГУ, 2012. 329 с.
- 2 *Люстров М.Ю.* Русско-шведские литературные связи в XVIII в. М.: ИМЛИ РАН, 2006. 276 с.
- 3 Песнь Его Императорскому Величеству Александру Первому Самодержцу Всероссийскому при Возшествии на престол от отставного солдата. М., 1801. 4 с.
- 4 *Проскурина В.Ю.* Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: НЛО, 2006. 332 с.
- 5 *Феофан Прокопович.* Пришествие в Новград Его Императорского Величества Государя Императора Петра Второго 1728 генваря 11 дня // Древняя российская вивлиотика. 1789. IX. С. 493.
- 6 En Afskedad Soldats tal til Konung Gustaf III den 24 januarii 1778. Götheborg. 8 s.
- 7 En Swensk Gudfruchtig Fångas Hiertröriga Bref Skrifwit vtur Siberien Til sin kiära Broder Landz Cammereraren Magnus Gabriel Palm. För thesz werdighet skul / Vtaf Tyskan afsatt på Swensko / och andra gången af trycket vtgångit / Åhr 1726. vti Julii Månad. 15 s.
- 8 *Hesselius A.* Hialmars Dröm och Resa Til Wallhall, Eller: Des Samtal Med Den, i det Trettio Åhra Tyska Kriget Namnkunnige Swenska Generalen Baner, och den af Ryszarne Mördade Majoren Sinclair, med flera Märkwärdigheter. Stockholm, 1741. 28 s.
- 9 Karolinska krigares dagböcker jämte andra samtida skrifter. XII. Lund. 1918. 467 s.
- 10 Tankar vid Hans Kongl. Maj:ts återkomst til Sverige... 1771. 5 s.

References

- 1 Ljustrov M.Iu. *Voina i kul'tura. Russko-shvedskie literaturnye paralleli epokhi Severnoi voiny* [War and culture. Russian and Swedish literary parallels of the Northern War era]. Moscow, RSUH Publ., 2012. 329 p. (In Russ.)
- 2 Ljustrov M.Iu. *Russko-shvedskie literaturnye sviazi v XVIII v.* [Russian-Swedish literary connections in the 18th century]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2006. 276 p. (In Russ.)
- 3 *Pesn' Ego Imperatorskomu Velichestvu Aleksandru Pervomu Samoderzhitsu Vserossiiskomu pri Vozshestvii na prestol ot otstavnogo soldata* [A Song to His Imperial Majesty Alexander, the First Autocrat of All-Russia, at His Ascending to the Throne from a Retired Soldier]. Moscow, 1801. 4 p. (In Russ.)
- 4 Proskurina V.Iu. *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [The myths of the empire. Literature and power in the era of Catherine II]. Moscow, NLO Publ., 2006. 332 p. (In Russ.)
- 5 Feofan Prokopovich. *Prishestvie v Novgrad Ego Imperatorskogo Velichestva Gosudaria Imperatora Petra Vtorogo 1728 genvaria 11 dnia* [Coming of His Imperial Majesty Sovereign Emperor Peter II to Novgrad 1728 on January day 11]. *Drevniaia rossiiskaia vivliotika* [Ancient Russian vivliotika], 1789, IX, p. 493. (In Russ.)
- 6 *En Afskedad Soldats tal til Konung Gustaf III den 24 januarii 1778*. Götheborg. 8 s. (In Swedish)
- 7 *En Swensk Gudfruchtig Fångas Hiertröriga Bref Skrifwit vtur Siberien Til sin kiära Broder Landz Cammereraren Magnus Gabriel Palm. För thesz werdighet skul / Vtaf Tyskan afsatt på Swensko / och andra gången af trycket vtgångit / Åhr 1726. vti Julii Månad. 15 s.* (In Swedish)
- 8 *Hesselius A. Hialmars Dröm och Resa Til Wallhall, Eller: Des Samtal Med Den, i det Trettio Åhra Tyska Kriget Namnkunnige Swenska Generalen Baner, och den af Ryszarne Mördade Majoren Sinclair, med flera Märkwärdigheter*. Stockholm, 1741. 28 s. (In Swedish)
- 9 *Karolinska krigares dagböcker jämte andra samtida skrifter*. XII. Lund. 1918. 467 s. (In Swedish)
- 10 *Tankar vid Hans Kongl. Maj:ts återkomst til Sverige... 1771*. 5 s. (In Swedish)